Е. Э. Липшиц

О ПУТЯХ ФОРМИРОВАНИЯ ФЕОДАЛЬНОЙ СОБСТВЕННОСТИ И ФЕОДАЛЬНОЙ ЗАВИСИМОСТИ В БАЛКАНСКИХ И МАЛОАЗИЙСКИХ ПРОВИНЦИЯХ ВИЗАНТИИ.

В последних работах советских и зарубежных ученых, посвященных изучению процесса развития феодализма в Византии, преимущественное внимание уделялось тому периоду, когда феодальные отношения получили уже свое полное и всестороннее развитие, когда они достигли своей «классической» ступени. В результате этих исследований многие стороны сложной проблемы византийского феодализма получили новое освещение. Значительное внимание, в частности, было уделено проблеме феодальной собственности со всеми ее атрибутами — экскусией, пронией и т. п.¹

Вместе с тем самые начальные этапы формирования феодальной собственности и феодальной зависимости византийского крестьянства пока еще недостаточно изучались и совсем мало освещались в византиноведческой литературе.

Исследование этих вопросов тесно связано со сложной проблемой кризиса рабовладельческого строя в странах Средиземноморья, которая принадлежит к числу наиболее дискуссионных в современной исторической науке².

Как уже неоднократно отмечалось в литературе, эта и без того трудная проблема еще осложняется крайним недостатком источников, в особенности документальных, которые для раннего периода истории Византии исчисляются буквально единицами.

Распространенное в советской историографии мнение о том, что в первый период существования Византийского государства по-прежнему господствующими, несмотря на кризис, оставались рабовладельческие отношения и рабовладельческая античная собственность и что Византийское государство, во всяком случае вплоть до VII столетия, оставалось по своей классовой природе рабовладельческим, орудием класса рабовладельцев, носит в большой степени априорный характер. Сторонники этой точки зрения, в сущности, просто, без особых доказательств переносят на характеристику

¹ См., например, статьи Б. Т. Горянова, А. П. Каждана, М. Я. Сюзюмова, К. А. Осиповой в ВВ, тт. X—XII; G. Ostrogorsky. Pour l'histoire de la féodalité byzantine. Bruxelles, 1954.

² См.: В. В. Струве и Н. В. Пигулевская. Проблема кризиса рабовладельческого строя и генезиса феодализма. ВИ, 1956, № 9, стр. 186—195; см. также дискуссию по этой проблеме в ВДИ за 1953—1956 гг. (статьи Е. М. Штаерман, А. П. Каждана, А. Р. Корсунского, А. Г. Гемпа, Э. В. Удальцовой, М. Я. Сюзюмова, С. И. Ковалева, Е. Э. Липшиц).

византийского общества взгляд, проводимый рядом специалистов по истории Западной Римской империи, который в основном сводится к следующему.

Феодализма не могло быть до варварского завоевания и образования новых варварских государств, до революции, положившей конец античному рабовладельческому обществу и государству Римской империи. Несмотря на наличие кризиса рабовладельческого строя и некоторых элементов феодализма в Западной Римской империи (крупное землевладение в соединении с мелким землепользованием, патронат, закрепощение сословий и т. д.), общество еще оставалось рабовладельческим. Колонат III—IV вв. был лишь модификацией рабства. «Квазифеодальные элементы позднеимперского общества... правильно называть римскими предпосылками феодализма, ускорившими его образование у племен, занявших территорию Римской империи»³. Поскольку империя формально в этот период (до 395 г.) оставалась единой, выводы эти переносят без существенных изменений и на характеристику ранней Византии, причем в качестве революционного переворота, положившего здесь конец рабовладельческим отношениям, рассматривают обычно события первой половины VII столетия⁴.

Дискуссия на страницах «Вестника древней истории» по проблеме падения рабовладельческого строя, проведенная при участии специалистов по истории Византии, с очевидностью показала, что, по общему мнению, развитие общественно-экономических отношений в Византии носило с конца III в. глубоко противоречивый характер: старые отношения отмирали, новые развивались, новое переплеталось со старым. Поэтому весь период характеризуется всеми исследователями как весьма сложный. Однако одни, в соответствии с охарактеризованной выше точкой зрения, считают, что это развитие протекало в рамках отмирающей античной рабовладельческой формации; другие — что оно шло в рамках возникающей и развивающейся феодальной. Сторонники последней точки зрения указывают при этом, что вызревание элементов феодальной эксплуатации может быть констатировано в восточных провинциях в рамках античной формации уже в период, предшествующий образованию Византийского государства. Со времени же его формирования эти элементы начинают играть ведущую роль.

Само собой разумеется, что решение столь важного вопроса, как вопрос о преобладании тех или иных форм эксплуатации и о классовой природе Византийского государства в начальный период его развития, немислимо без исследования существовавших тогда отношений собственности.

И естественно, прежде всего возникает вопрос — каковы были судьбы античной собственности в рассматриваемое время?

Судьбы античной собственности неразрывно связаны с судьбами носителей этой собственности, а следовательно, если считать, что в рассматри-

³ С. И. Ковалев. Опыт периодизации римской истории. ВДИ, 1955, N 4, стр. 116; ср. статью „Византия“, БСЭ, изд. 2-е, т. 8.

⁴ Решающее значение событий первой половины VII в. в истории Византии признают и некоторые зарубежные ученые. Такова, например, точка зрения Тойнби (A. J. Toynbee. A Study of History, vol. IV. London, 1939, p. 320—408). Большинство же западноевропейских исследователей придерживается того мнения, что в оформлении основ Византийского государства решающее значение имел кризис III в. См. G. Ostrogorsky. Geschichte des byzantinischen Staates. München, 1952, S. 23—27; N. Baynes and H. St. Moss. Byzantium. Oxford, 1948, p. XV—XVIII; U. Willamowitz-Moellendorff. Die griechische Literatur des Altertums. Berlin—Leipzig, 1907, S. 200; F. Dölger und A. Schneider. Byzanz. Bern, 1951, S. 15 f. См. также В. Веркаутерен. Работы по истории средних веков в 1945—1945 гг. ВИ, 1956, № 4, стр. 205.

ваемое время господствующими оставались рабовладельческие производственные отношения, тогда должно оказаться, что и юридическое выражение этих рабовладельческих производственных отношений — рабовладельческая античная собственность — еще не утратила своих господствующих позиций.

Недостаточно освещен и вопрос об экономической природе колоната, особенно в плане сравнения ее с экономической природой позднейшего крепостничества. Не выяснен и вопрос о первых этапах формирования феодально-зависимого крестьянства как класса в Византии. Спорными остаются и некоторые вопросы, связанные с истолкованием Земледельческого закона как главного источника наших сведений о византийской крестьянской общине в VI—IX вв.

В настоящей статье мы намерены пересмотреть заново некоторые из перечисленных вопросов, в особенности те, которые еще пока мало или совсем не освещались в предшествующих работах или освещались под другим углом зрения. Привлеченные материалы ограничены балкано-малоазийскими районами Византии. Такое территориальное ограничение темы, думается, поможет легче проследить судьбу изучаемых явлений, так как избранные нами районы оставались в составе территории Византийского государства и в позднейшие времена, когда феодальные отношения достигли своего полного расцвета и когда, следовательно, черты, еще слабо намеченные в изучаемое время, получили полное и всестороннее развитие.

Постановка этих вопросов в новом разрезе, как мы надеемся, поможет делу их плодотворной разработки в дальнейших исследованиях.

I

В настоящее время в результате последних работ советских и зарубежных исследователей, на наш взгляд, можно считать уже установленным, что ко времени формирования средневекового Византийского государства, возникшего в восточной части Римской империи в результате революционного кризиса III века, рабство уже утратило — по меньшей мере в западной части Римской империи — свое значение основы производственных отношений. Главным результатом кризиса III в. явилось окончательное поражение социальных групп, связанных с античной формой собственности; характерной чертой этого периода явился упадок рабовладельческих вилл и городов и укрепление латифундий, обрабатывавшихся в основном трудом колонов⁵.

Несмотря на то, что рабство не было отменено и формально, юридически этот институт продолжал существовать вплоть до падения самого Византийского государства, рабство в Византии никогда не играло значительной роли в производстве ни в городе, ни в деревне. Уже в IV в. в городском производстве господствующим становится *труд свободных людей*⁶. Еще в большей степени это относится к деревне. Вряд ли случаен тот факт, что

⁵ С. И. Ковалев. Опыт периодизации... стр. 115; Е. М. Штаерман. Кризис рабовладельческого строя в западных провинциях Римской империи. Автореферат диссертации на соискание ученой степени доктора исторических наук. М., 1956, стр. 27; Е. Э. Липшиц. Проблема падения рабовладельческого строя и вопрос о начале феодализма в Византии. ВДИ, 1955, № 4, стр. 65 сл.

⁶ Г. А. Курбатов. Городские курии и сословие куриалов в ранней Византии (IV—VI вв.). Автореферат кандидатской диссертации. Л., 1956, стр. 17. Ср. P. Charanis. Social Structure of the Later Roman Empire. Byz., XVII, 1945, p. 40; W. H. Buckler. Labour Disputes in the Province of Asia. „Anatolian Studies presented to W. Ramsay“. London, 1923, p. 36 sq.

столь богатый многими бытовыми сведениями источник, как византийская агнография, дал в свое время А. П. Рудакову основание утверждать, что «византийское рабовладение едва ли было особенно сильно развито. Рабы, главным образом, являлись принадлежностью богатых домов, их служебной челядью». Как указывает А. П. Рудаков, рабский труд в сельском хозяйстве мог применяться лишь в виде исключения⁷.

Равным образом и автор новейшего исследования о византийском колонате А. Р. Корсунский пришел к выводу (на основании фундаментального исследования данных византийского законодательства), что основные группы производственного населения в сельском хозяйстве либо служили источником роста колоната, либо эволюционировали к положению, близкому к статусу колонов. Вывод А. Р. Корсунского о том, что в рассматриваемое время колон становится в Восточной империи основным непосредственным производителем как в имениях светских землевладельцев, так и в доменах императора и церкви, представляется нам глубоко аргументированным⁸. Следует отметить, что этот вывод находится в полном согласии с мнением подавляющего большинства исследователей, как старых, так и новых⁹.

Наряду с рабством и рабовладением рушились и другие основы, на которых покоилось античное рабовладельческое общество — полис и фамилия.

Несмотря на то, что в восточных провинциях не наблюдается такого упадка городов, как на Западе, и здесь их число и удельный вес в общем падают. Джонс в одном из своих исследований по истории города в интересующую нас эпоху обратил внимание на то, что если сравнить список городов, расположенных в восточных провинциях, приведенный у Плиния, со списком Иерокла, то поражает прежде всего сокращение общего числа городов. Так, в районе, соответствовавшем прежней провинции Азии¹⁰, число общин городского типа упало с 282 до 225; в районе Галатии — с 195 до 120; в Македонии — с 150 до 60 (примерно). Для Греции нет точных данных, однако и здесь совокупность наличных в разных источниках сведений свидетельствует о значительном сокращении числа городов. Так, только в одном районе Елевтеролаконы из 18 городов, бывших там прежде, в списке Иерокла упомянуты всего лишь три¹¹.

К аналогичному выводу об упадке городов в Греции пришел и О. В. Кудрявцев. По его мнению, кризис полиса в Пелопоннесе достиг осо-

⁷ А. П. Рудаков. Очерки византийской культуры по данным греческой агнографии. М., 1917, стр. 213.

⁸ А. Р. Корсунский. О колонате в Восточной Римской империи. ВВ, т. IX, 1956, стр. 46.

⁹ Ср., например, Ю. Кулаковский. История Византии, т. I. Киев, 1913, стр. 72: „Преобладающей формой состояния сельского населения в IV в. был колонат“; Н. В. Пигулевская. Месопотамия на рубеже V—VI вв. М.—Л., 1940, стр. 36; М. В. Левченко. Материалы для внутренней истории Восточно-римской империи. ВС, стр. 22; Е. Э. Липшиц. Проблема падения рабовладельческого строя..., стр. 71; С. И. Ковалев. Опыт периодизации..., стр. 115—116; G. Ostrogorsky. Agrarian Conditions in the Byzantine Empire. Cambridge Economic History, vol. I, 1941, p. 194—223; P. Charanis. Social Structure..., p. 41.

¹⁰ Диоклетианова провинция Азия составляла только малую часть прежней провинции, носившей это название. Она теперь включала лишь территорию, простиравшуюся по побережью Эгейского моря от Пергама до реки Меандра и от моря до Тмола, охватывая приблизительно площадь около 6000 квадратных километров. См. A. Schulten. Zwei Erlasse des Kaisers Valens über die Provinz Asien. „Jahreshefte des Österreichischen Archäologischen Institutes in Wien“, Bd. IX, 1906, S. 45—46.

¹¹ A. H. M. Jones. The Cities of the Eastern Roman Provinces. Oxford, 1937, p. 94—95; idem. The Greek City from Alexander to Justinian. Oxford, p. 90—91.

бой силы в центральных и северных областях — в Ахаиие, Аркадии, Арголиде. На юге и на западе он ощущался в меньшей степени, хотя и в Лаконике и в Мессении значительная часть городов сходит на нет. В средней Греции признаки запустения в западных районах сказывались сильнее, чем на востоке. Однако и в Беотии и Фокиде многие города также превратились в развалины¹²

Следует отметить, что приведенные выше цифры включают известное число новых городов, частично преобразованных из старых поселений в поселения городского типа.

Но этой внешней стороной не ограничивались происшедшие изменения Гораздо труднее уловима, но в то же время и более существенна, внутренняя сторона.

Наряду с уменьшением числа городов в Греции наблюдалась картина упадка греческого ремесла. «Ремесленные центры передвигались на север и на восток к лагерям легионов и постепенно покидали древнюю почву Эллады. Собственно греческое ремесло угасало.», — писал О. В. Кудрявцев¹³. В результате своего исследования он пришел к выводу, что со второй половины III в. эллинские города окончательно впадают в нищету и что история античной Эллады по существу завершается III веком нашей эры¹⁴.

С этого же времени в большинстве восточных провинций отчетливо проявляется процесс распада старой полисной основы городов — их муниципальной организации. Город утрачивает и здесь, как и на Западе, свое значение основной ячейки в общественно-экономической жизни. По мере углубления кризиса, протекавшего в условиях острой классовой борьбы и вторжений «варваров», городские территории подвергались опустошению и сильно сократились в результате конфискаций, захватов, продажи земли городами для уплаты податей и контрибуций. Муниципальное землевладение оказалось чрезвычайным ослабленным¹⁵. Римская империя, которая в период расцвета еще сохраняла в значительной степени характер союза самоуправляющихся городов, сочетавшегося с монархией, коренным образом изменила свой характер. Несмотря на наличие различий, определявшихся местными условиями жизни, общее направление процесса в сторону ликвидации полисной организации выступает с полной четкостью и определенностью во всех районах империи. Совершенно несомненно, что с конца II столетия, с началом кризиса рабовладельческого строя, старая полисная организация и городские курии в восточных провинциях подвергались серьезным ударам, подорвавшим их былое значение¹⁶.

Так, например, В. Велков, посвятивший специальную статью вопросу о населенных пунктах Фракии и Дакии в IV—V вв., констатирует глубокий упадок старой городской аристократии, то есть той прослойки рабовладельческого класса, которая являлась главной опорой античного полиса. В городах Фракии наблюдались те же черты обеднения массы куриалов, упадка и запустения городских советов, выделения и отхода от курий наиболее богатых и крупных землевладельцев, рост значения и влияния

¹² О. В. Кудрявцев. Эллинские провинции Балканского полуострова во втором веке нашей эры. М., 1954, стр. 72, 67; ср. А. Б. Ранович. Восточные провинции Римской империи в I—III вв. н. э. М., 1949, стр. 240 сл.

¹³ О. В. Кудрявцев. Эллинские провинции. . . , стр. 106—107.

¹⁴ Там же, стр. 352.

¹⁵ Г. Л. Курбатов. Городские курии. . . , стр. 9. Большой фактический материал, подтверждающий правильность этого вывода, собран в двух фундаментальных исследованиях А. Джонса (A. H. M. Jones. The Cities. . . , passim; idem. The Greek City. . . , p. 147—155, 252, 330; etc.).

¹⁶ См. Cod. Theod., XII, 1; Cod. Just., X, 32; Nov. Just., XXXVIII (a. 535).

новых крупных земельных собственников, сливающихся с сенаторским сословием за счет разорения куриалов, которые были характерны и для городов Запада. В. Велков обращает внимание и на значительный рост патронатного движения, которое способствовало увеличению богатства и могущества нового крупного, независимого от городов, землевладения¹⁷.

Центр из городов перемещался в имения, население которых росло за счет расширения патронатного движения. Как указывали уже предшествующие исследователи, именно эти имения могущественных магнатов явились местом формирования форм феодальной зависимости. Они базировались, в отличие от классической римской виллы, не столько на эксплуатации труда рабов, сколько на эксплуатации труда зависимого и прикрепленного к земле крестьянства¹⁸.

Однако несомненной особенностью развития Византии являлось то обстоятельство, что, в отличие от Запада, в IV—V вв. на ее территории появляется ряд новых городов, а некоторые старые, влачившие до того жалкое существование, необычайно вырастают и начинают жить новой жизнью. Но и эти новые и возрожденные к новой жизни старые города, насколько можно судить, не оказали определяющего влияния на изменение общего аграрного характера тех областей, в которых они были расположены. Обширные сельские территории слабо втягивались в экономическую жизнь городов; в них господствовало натуральное хозяйство. Очень ярко это видно на примере таких провинций, как Фракия или соседние с ней области Македонии и Дакии, хозяйство которых мало изменилось, несмотря на стимулирующую к развитию близость Константинополя и на появление ряда новых и оживление некоторых старых городских пунктов. Первоначально в этих районах выдвигаются Сердика, Ниш, Филиппополь, Адрианополь, Верия, Маркианополь, затем — по побережью Мраморного и Черного морей — Одисс, Томи, Перинф, Селимврия, Панион и некоторые другие¹⁹.

Аналогичные явления наблюдаются и в провинциях Малой Азии. Так, в Вифинии. Понте, Пафлагонии, несмотря на наличие там довольно крупных торговых городов, как, например, Трапезунд, снабжавший в VI в. хлебом, вином, солью и другими товарами Лазику, сельское население не было втянуто в городскую жизнь. Оно продолжало жить в соответствии с издревле установившимися там обычаями, составляя собственный замкнутый мирок²⁰.

Сходная картина наблюдалась, по-видимому, и в других горных областях Малой Азии, население которых было сосредоточено преимущественно в деревнях и больших селах, сохраняя свойственный каждой данной области образ жизни, а иногда и речь, отличную от официального греческого языка. В этих областях немногие наличные там города ни в какой мере не являлись господствующими над широкой сельской округой²¹.

Сведения о Ликаонии, содержащиеся в новеллах Юстиниана, ярко характеризуют эти большие деревни и села, населенные отличными

¹⁷ В. Велков. Селото и градът в Тракия и Дакия през IV—V вв. от н. э. ИП, 1955, № 4, стр. 43.

¹⁸ О. В. Кудрявцев. Эллинические провинции... стр. 26; Е. М. Штаерман. Кризис рабовладельческого строя... стр. 10.

¹⁹ В. Велков. Селото и градът... стр. 43, 54.

²⁰ А. Vasiliev. Zur Geschichte von Trapezunt unter Justinian dem Großen. ВЗ, XXX, 1929—1930. А. А. Васильев (ibid., p. 383—384) пишет: „Область Трапезунда была невелика... В горах... попрежнему жили воинственные... цаны“.

²¹ А. Н. М. Jones. The Cities... p. 173; ср. Nov. Just., XXIV, XXV, XXVIII, XXIX, XXXI.

наездниками-коневодами, склонными к восстаниям, легко хватавшимися за оружие и вовсе не подчинявшимся военной администрации²².

Подобные же большие села, часто восстающие против представителей центрального правительства, против налогового обложения, были и в Писидии²³. Как указывает Джонс, в этой области было мало городов; большая часть населения жила в селах²⁴. Густо населенная Каппадокия также оставалась в своей центральной части страной деревенских поселений. Независимость ее часто восставшего населения сильно заботила византийскую администрацию, как это видно из новелл²⁵.

Таким образом, согласно данным, собранным исследователями, видно, что город как коллектив, как организация свободных граждан для осуществления коллективного господства над принадлежащим ему имуществом (землями, рабами), город как центр сельскохозяйственной территории, над которой он господствовал, коренным образом изменил свой характер. Византийские города V—VI вв. — это либо торгово-ремесленные центры, либо административные, либо и то и другое вместе. Так, например, Трапезунд являлся в V в. и крупным, богато населенным торговым городом, и местом пребывания первого понтийского легиона²⁶.

Быстрый рост таких городов, как Константинополь и Фессалоника, требует специального объяснения²⁷. Ведь достаточно взглянуть на план Константинополя, чтобы убедиться в том, что уже в IV—V вв. город по своей площади вырос по отношению к античному Византию (ограниченному стеной Септимия Севера) примерно в два с половиной раза в направлении с юга на север и почти в пять раз в западном направлении. Новый средневековый город, ограниченный стеной Феодосия, в дальнейшем не претерпел существенных изменений на всем протяжении средних веков в отношении своих размеров и планировки²⁸, хотя уровень современных улиц и площадей местами превышает старый на 3 метра²⁹.

При основании Константинополя в него был переселен ряд сенаторов из Рима и Италии, а также из других провинций; для них были выстроены дворцы³⁰. В городе, превращенном в столицу империи, было возведено много общественных сооружений, в том числе значительное число церквей, получивших особые привилегии³¹. В четырнадцати округах (*regiones*) Константинополя, расположение которых нам известно по *Notitia urbis Constantinopolitanae* (окончательная редакция которой относится к 440 г.),

²² *Nov. Just.*, XXV, 1 (a. 535): ἀνδρῶν γὰρ ἐστὶν ἰσχυρῶν ἢ χωρὰ καὶ Ἰσαυρίας οὐδενὶ διέστυχε μέσῳ, οἷα δὲ μεσόγειός τε οὖσα καὶ ἀνείσιμη καὶ ἰπποβοτός πολλοὺς μὲν ἄνδρας, πολλοὺς δὲ ἵππους ἐκτρέφει, καμῶν τέ ἐστὶν αὐτῇ πλῆθος μεγάλων. . .

²³ *Nov. Just.*, XXIV, 1 (a. 535).

²⁴ A. H. M. Jones. *The Cities. . .*, p. 147.

²⁵ *Ibid.*, p. 191; ср. также V. Schultze. *Altchristliche Städte und Landschaften*, Bd. II, Kleinasien. Berlin, 1922, S. 67. Шульце приводит интересные эпиграммы о каппадокийцах и некоторые другие характерные литературные свидетельства современников.

²⁶ A. Vasiliev. *Zur Geschichte. . .*, S. 384; ср. *Notitia dignitatum*, ed. Seek, cap. XXXVIII = ed. Böcking, I, cap. XXXV; *Zosimus*, I, 33.

²⁷ Ср. М. Я. Сюзюмов. Роль городов-эмпориев в истории Византии. ВВ, т. VIII, 1956, стр. 26—41.

²⁸ R. Janin. *Constantinople byzantine. Développement urbain et répertoire topographique*. Paris, 1950, p. 39.

²⁹ A. M. Schneider. *Regionen und Quartiere in Konstantinopel. Kleinasien und Byzanz* („Istanbuler Forschungen“, Bd. 17). Berlin, 1950, S. 149 f.

³⁰ *Scriptores Originum Constantinopolitanarum*, rec. Th. Preger. Lipsiae, 1907, Fasc. II, p. 146; ср. *Zosimus*, II, 29.

³¹ V. Schultze. *Altchristliche Städte. . .* Bd. I. Konstantinopel, S. 40.

было расположено 4488 домов, по всей вероятности каменных³². В 322 кварталах имелось 134 хлебопекарни. Было налажено снабжение жителей Константинополя необходимым продовольствием — хлебом, вином, маслом. Хлеб поступал из Египта, а когда его не хватало, и из других провинций: Фригии, Вифинии, Фракии³³. Строительство домов поощрялось, в частности, тем, что домовладельцам предоставлялась на длительный срок привилегия получения бесплатного хлеба³⁴. По сведениям Зосима, вскоре были заселены не только рыночные площади, но строили дома даже на сваях в самом море. Интересно сообщение того же писателя, что приток населения стимулировался интересами «военной службы и торговли»³⁵.

Константинополь стал не только столицей империи, но и ее важнейшим торгово-ремесленным центром. Мощные его стены — Константины и Феодосия — наглядно показывают его большое военно-стратегическое значение.

По существу, на месте древнего Византия³⁶ был выстроен совершенно новый город, во много раз превосходивший старый, город-гавань на пути из Средиземного моря в Черное, который превратился в крупнейший населенный и наиболее культурный центр раннего средневековья³⁷.

Такова же, по-видимому, была судьба и второго центра империи — Фессалоники³⁸. Однако о старом плане Фессалоники судить трудно, так как древнейшие из сохранившихся памятников относятся ко времени не ранее IV столетия н. э.³⁹ По всей вероятности, можно считать план города в целом созданием средневековой эпохи, за исключением двух площадей и *via Egnatia*, прорезавшей город в направлении с запада на восток. Фессалоника была, подобно Константинополю, обнесена мощными стенами и являлась, так же как и Константинополь, важным торгово-ремесленным центром. Нельзя недооценивать и важнейшее стратегическое значение этого города, являвшегося на протяжении всего византийского средневековья главной опорой империи в Македонии, постоянно подвергавшейся нападениям славян, образовавших там в VI—IX вв. прочные поселения, известные в источниках под названием Македонской Склавинии.

Далекое от геометрической правильности планировки городов поздней античности, византийские города постепенно стали приобретать тот облик, который является характерным для городов-крепостей средневековья с их кривыми и узкими улицами, протянувшимися во всех направлениях между

³² Как указывает Шнейдер („Regionen...“, S. 150), Константинополь был застроен по крайней мере до пожара 1203 г., уничтожившего добрую половину города, каменными домами.

³³ О снабжении Константинополя хлебом см. E. Stein. *Histoire du Bas-Empire*, t. II. Paris—Bruxelles—Amsterdam, 1950, p. 441, 765.

³⁴ Так называемый *panis gradilis* (см. *Cod. Theod.*, XIV, 17), получивший свое наименование от ступеней лестниц, на которых, в зависимости от категории получающих, за плату или же бесплатно распределялся хлеб в соответствии с установленными нормами. О том, что правом получения так называемого *panis civilis* пользовались посессоры, см. *Chronicon Paschale*, vol. I, ed. Bonnæ, p. 711 (618 г.).

³⁵ Zosimus, II, 29.

³⁶ О Византии в античную эпоху см. В. П. Невская. *Византизм в классическую и эллинистическую эпохи*. М., 1953. Вопрос о путях формирования Константинополя в период раннего средневековья заслуживает особого и более подробного рассмотрения.

³⁷ Археологические открытия последних лет показывают, что Константинополь являлся с самого начала своего существования и крупнейшим художественным центром. См. D. Talbot Rice. *Les mosaïques du Grand Palais des empereurs byzantins à Constantinople*. „La revue des arts“. Paris, 1955, № 3, p. 166.

³⁸ О торговле и ремесле в Фессалонике в связи с анализом истории города и данных предшествующих исследований см. Е. Э. Липшиц. К вопросу о городе в Византии в VIII—IX вв. ВВ, т. VI, 1953, стр. 124—125; Р. А. Наследова. Ремесло и торговля в Фессалонике. ВВ, т. VIII, 1955, стр. 60—84.

³⁹ Е. Э. Липшиц. К вопросу о городе... стр. 124; см. там же библиографию.

мощными плитняком магистральями, расхившимися от «кремля» приблизительно радиально. Их могучие крепостные валы, укрепления и башни с бойницами⁴⁰ повторялись в меньшем масштабе и в других населенных пунктах на Балканском полуострове в связи с непрерывными и все усиливающимися нападениями «варваров», в особенности с началом славяно-аварского нашествия. Крепостными стенами обносили города, монастыри, крупные поместья и даже отдельные общины солдат-федератов⁴¹. Ряд сохранившихся памятников, в особенности начиная с VI столетия, полностью подтверждает яркую картину возведения оборонительных сооружений на Балканском полуострове, которую дает Прокопий. По словам этого писателя-современника, едва ли не всякое имение превратилось в крепость или было расположено вблизи от укрепленного поста⁴². Из этих обнесенных стенами поселений развились в дальнейшем будущие феодальные замки позднейшего времени, когда начавшиеся в рассматриваемое время процессы достигли своего полного и всестороннего развития.

Какова же была общественно-экономическая основа этого развития городов в Византии? Можно ли считать, что она осталась неизменной, рабовладельческой, или же можно усматривать в ней начало нового развития, протекающего уже в рамках складывающейся феодальной формации?

Следует отметить, что собранные в предшествующих исследованиях данные о роли рабского труда в ранне-византийских городах в IV—VI вв. заставляют нас склоняться в сторону второй точки зрения. Насколько можно судить по имеющимся в источниках сведениям, в городе рабский труд не играл в это время сколько-нибудь значительной роли в производстве⁴³.

Ярким свидетельством в этом отношении может служить закон от 2 августа 337 г., включенный в Кодексы Феодосия и Юстиниана. В нем содержится длинный список ремесленников тридцати пяти специальностей, которые подлежали освобождению от повинностей (*munera*), если они занимались своим ремеслом и совершенствовались в нем. В список включены кузнецы, столяры, валяльщики шерсти, кожевники, гончары, плотники, стекольщики, каретники, штукатуры, каменщики, каменотесы, токари, медники, золотых и серебряных дел мастера, резчики по кости, мозаичисты, изготовлявшие смальту, а также представители и таких специальностей, как врачи, ветеринары, архитекторы и т. д. Само собой разумеется, что такое освобождение от повинностей имело в виду свободных людей⁴⁴.

⁴⁰ См., например, описание стен Фессалоники в *Acta Demetrii*. PG, t. 116, col. 1174—1426 *passim*. Вопрос о датировке событий, описанных в этом источнике, в настоящее время оживленно дискутируется в литературе: см. работы П. Лемерля, А. Бурмова, Ф. Баршица, а также Б. Графенауэра (*„Zbornik Filozofske Fakultete“*, 2, Ljubljana, 1955, str. 23—54).

⁴¹ I. Velkov. Eine Gotenfestung bei Sadovetz. „Germania“, XIX, 1935; G. Bersu. A VI-th Century German Settlement of „Foederati“. „Antiquity“, vol. XII, 1938; G. Millet. Le monastère de Daphni. Paris, 1899, *Ср. Nov. Just.*, CXXXIII (a. 539).

⁴² Procopius Caesariensis. De aedificiis, IV, 1, 35; *ср. Cod. Theod.*, XVI, 33, 34, 49 (a. 395—407).

⁴³ Г. Л. Курбатов. Положение народных масс в Антиохии в IV в. ВВ, т. VIII, 1956, стр. 47; Е. М. Штаерман. Проблема падения рабовладельческого строя. ВДИ, 1953, № 2, стр. 51; Г. Л. Курбатов. Городские курии и сословие куриалов в ранней Византии. Л., 1956. (Кандидатская диссертация. Ленингр. университет, 1955. Рукопись). *Ср. Cod. Theod.*, XIII, 4,2 = *Cod. Just.*, X, 66, 1 (от 2 августа 337 г.).

⁴⁴ См. также интересные данные, собранные А. П. Рудаковым из агнографических источников, относящихся к V—VI вв. („Очерки византийской культуры...“, стр. 45 сл.), в частности о мелких мастерских шелковых тканей, сапожников и т. д. *Ср. также материалы, собранные в названной выше диссертации Г. Л. Курбатова.* Любопытны сведения о нормах работы некоторых специалистов оружейного дела:

К числу последних принадлежали и наследственно прикрепленные к своим занятиям работники монетного двора, императорских ткацких мастерских и *fabricenses*, обслуживавшие императорский двор и фиск В императорских ткацких мастерских в законе 357 (358) г. упоминаются наряду с ними и рабы⁴⁵. Однако, поскольку сбыт на сторону продукции этих закрепленных за двором ремесленников был запрещен законом⁴⁶, не она, конечно, определяла собой развитие ремесла и торговли в византийских городах. Это развитие зависело преимущественно от продукции мелких свободных ремесленников, наличие которых в таких городах, как Константинополь, многократно засвидетельствовано источниками. Рабы представляли собой главным образом челядь⁴⁷, так же как это имело место и в течение всей последующей длительной жизни Византийского государства.

Экономической основой процветания городов в Византии, так же как и городов Ближнего и Среднего Востока, сходных в этом отношении с ними, являлось высоко развитые на всем протяжении средних веков ремесло и торговля. Византийские ремесленники, изучавшие и совершенствовавшие свое ремесло, работали своими привычными орудиями труда в мелких ремесленных мастерских, в которых работник являлся владельцем своих орудий. Однако собственность этих ремесленников отличалась характерной для рассматриваемой эпохи неполнотой. Доход от труда ремесленников не только находился под мелочным контролем государства, высасывавшего его значительную часть в форме налогов, но и тех крупных земельных собственников, во владениях которых находились эти мастерские.

В Константинополе, как это видно из новеллы 537 (536) г. «Об эргастериях Константинополя», эргастерии находились, как правило, в собственности (*δεσποτείας*) крупных землевладельцев. Тысяча сто эргастерий принадлежали храму св. Софии, освобожденной от уплаты налогов за них, прочие — церквям, странноприимным домам, приютам для престарелых и детей, монастырям, императорскому дому, архонтам, занимающим высшие, средние и низшие должности, сенаторам, иллюстриям, кубукуляриям или лицам, служившим в армии⁴⁸.

Как указывал К. Маркс, независимое ремесленное производство, так же как и мелкое крестьянское хозяйство, составляло базис феодального общества⁴⁹. Рассмотренный нами материал, думается, дает основание считать, что в византийских городах в IV—VI вв. развивались процессы, складывались отношения, характерные для возникающего феодального общества.

Приведенные факты развития ранне-византийских городов в IV—VI вв. относятся к тому периоду, когда рабовладельческая собственность уже находилась в глубоком упадке. Характерно, что в области права в это время происходит глубокая переоценка ценностей. М. Я. Сюзюмов совершенно прав, утверждая, что «теория рабовладения» уже не была основой византийского права и если с III в. признание рабовладения несправедливым

в Константинополе за тридцать дней ремесленник должен был покрыть бронзой, золотом или серебром три шлема с таким же количеством забрал, в Антиохии — восемь. Законом от 11 марта 374 г. норма была повышена для Константинополя до шести шлемов с таким же количеством забрал.

⁴⁵ Cod. Theod., X, 20, 2; см. O. Seeck. *Fabricenses*. RE, VI, 2, Suppl. S. 1925 f.; Cod. Theod., XXII = Cod. Just., XI, 10; Nov. Just., LXXXV, 3 (a. 539).

⁴⁶ Cod. Theod., X, 21 = Cod. Just., XI, 9.

⁴⁷ Синезий в речи „О царстве“ пишет: „рабы накрывают стол, готовят еду, разливают вино“. См. М. В. Левченко. Синезий Киренский. О царстве. ВВ, т. VI, 1953, стр. 351.

⁴⁸ Nov. Just., XLIII.

⁴⁹ См. К. Маркс. Капитал, т. I. Госполитиздат, 1955, стр. 341, прим. 24.

институтом являлось сентенцией передовых юристов, то со времени Юстиниана это уже официальная теория⁵⁰.

Как показали исследования Е. Кука, П. Коллине, Ж. Декларейля, Э. Штейна и др. в области истории права, в Византии в течение IV—V вв. основы права пересматриваются еще глубже, чем это имело место на Западе. Именно в этот период здесь закладывались основы средневекового права⁵¹.

Естественно, что этот пересмотр не мог не затронуть и основного института античного общества — рабовладения. И если происшедшие изменения и не ликвидировали в Византии института рабства как такового, то они существенно его модифицировали. Эта модификация коснулась едва ли не всех важнейших сторон гражданского права, и ее значение нельзя недооценивать. В одном из последних фундаментальных советских исследований, посвященных интересующей нас проблеме, Е. М. Штаерман на материале законодательных памятников, свидетельствующих об ограничении власти господ над рабами, ярко показала, какие глубокие последствия эти ограничения (даже тогда, когда они были еще, казалось, незначительными) имели для перестройки всей системы хозяйства, открывая перед ней новые перспективы. Перенесение центра тяжести на личную заинтересованность работника открыло новые возможности для развития более совершенных приемов работы, для развития производительных сил общества⁵².

С течением времени таких изменений становилось все больше и больше. Рабов не только массами переводили на пекулий, но менялся и самый взгляд на пекулий, права на который значительно укреплялись. Сам же пекулий в Дигестах Юстиниана стали приравнять к собственности — *quasi patrimonium*⁵³. На практике пекулий чем дальше, тем больше становился необходимой принадлежностью раба.

На изменение фактического положения рабов, посаженных на землю и продававшихся вместе с именьями, неоднократно указывали предшествующие исследователи, ссылаясь, в частности, на закон от 27 февраля 327 г., адресованный комиту Македонии Акакию, где речь идет о *mancipia adscripta censibus*⁵⁴. В. Велков, комментируя этот текст, замечает, что такое положение распространялось не только на Македонию, но, по всей вероятности, и на другие провинции⁵⁵.

Уже с самого начала существования Византийского государства в законодательстве появляется ряд законоположений, ограничивающих произвол господ над рабами. Хотя за господином сохраняется право распоряжаться жизнью и смертью раба с целью принуждения его к труду, однако господин привлекается к ответственности, если раб был убит умышленно⁵⁶.

⁵⁰ М. Я. Сю з м о в. О правовом положении рабов в Византии. „УЗ Свердловского пединститута“, вып. 11, 1955, стр. 191.

⁵¹ P. Collinet. Etudes historiques sur le droit de Justinien, t. I. Paris, 1912, p. III; E. C u q. Les institutions juridiques des Romains, t. 2. Paris, 1902, p. 770 sq.; J. Declareuil. Rome et l'organisation du droit. Paris, 1924, p. 389 sq.; E. Stein. Histoire du Bas-Empire, t. II, p. 411 sq.

⁵² Е. М. Штаерман. Кризис рабовладельческого строя в западных провинциях Римской империи. (Рукопись диссертации). М., 1956, стр. 9.

⁵³ Dig., XXXIII, 8, 9; ср. Е. М. Штаерман. Ук. соч., стр. 154.

⁵⁴ Cod. Theod., XI, 3, 2.

⁵⁵ В. Велков. Селото и градът. . . , стр. 35.

⁵⁶ Cod. Theod., IX, 12, 1—2 (11 мая 319 г. и 18 апреля 326 г.). Это ограничение власти господина идет в том же направлении, что и власти *pater familias* над детьми, женой и другими членами фамилии, которая была тоже сведена к праву наказания [ср. Cod. Theod., IX, 13, 1 (16 ноября 318 г.) = Cod. Just., IX, 15; ср. Inst. Just., IV, 8, 7]. Любопытно отметить, что господ, замеченных в невыносимо жестоком обращении с рабами, обязывали продавать рабов (Inst. Just., I, 82), то есть, другими словами, давать возможность другим использовать рабочую силу раба.

Право распоряжения и принуждения раба к труду любыми, даже самыми жестокими мерами имело явную цель сохранить раба как работника. Поэтому жестокость господина и была ограничена. Нужда в рабочих руках пронизывает вообще все законодательство, касающееся положения непосредственных производителей в IV—VI вв.

Имеются и некоторые другие, аналогичные по своим тенденциям, законоположения. Так, в новелле Юстиниана 536 г.⁵⁷ предусматривается сохранение свободы за человеком, приговоренным к работам в Проконеских каменоломнях, в то время как прежде он становился рабом.

Уже с IV в. старое правило, исключавшее возможность военной службы для рабов, стало нарушаться, сначала в виде исключения, а затем и по закону. Так, уже в 382 г. собственникам запрещалось ставить в качестве новобранцев *чужого раба*. Следовательно, раб стал считаться пригодным к военной службе. Во времена Юстиниана раб освобождался, вступая на военную службу. У господ же было отнято право требовать его возвращения⁵⁸.

Запрещалось разделять семьи рабов при разделе имущества и, что особенно важно, были значительно упрощены и расширены способы отпуска рабов на волю. Так, предусматривалась возможность освобождения раба, находившегося в коллективном пользовании, одним из владельцев с условием выплаты определенной суммы своим совладельцам⁵⁹. В этом же плане вводились известные новшества для освобождения рабов узурфруктуариями и т. д.⁶⁰ Важным новшеством в новелле Юстиниана 539 г. явилось уничтожение различия между статусом вольноотпущенников и лицами, свободными от рождения⁶¹.

Особенно много было сделано в этом отношении Юстинианом, одной из главных особенностей законодательства которого явилось стремление привести в соответствие устаревшее писаное право, унаследованное от периода расцвета Римской империи, с жизненной практикой VI столетия⁶². Так, в институциях Юстиниана (I, 7) провозглашается полная отмена закона Фурия Каниния, устанавливавшего определенные правила на случай отпуска рабов по завещанию. Характерна при этом мотивировка закона: «Закон Фурия Каниния установил определенные правила на случай отпуска рабов по завещанию. Мы полагаем, что этот закон должен быть отменен, как препятствующий свободе и как бы ненавистный, потому что слишком бесчеловечным было бы, чтобы люди могли *только при жизни* одаривать всех рабов свободой, если к этому нет какого-либо препятствия, и были бы лишены такой возможности, готовясь к смерти». О том, что законодательство всемерно поощряло практику отпуска рабов на волю, можно заключить и из частичной отмены закона Элия Сентия⁶³, а также и из того, что неоднократно подтверждалась возможность отпуска рабов на волю в церкви⁶⁴, или при вступлении в монастырь (после трехлетнего

⁵⁷ Nov. Just., XXII, 8.

⁵⁸ R. Grosse. Römische Militärgeschichte von Gallienus bis zum Beginn der byzantinischen Themenverfassung. Berlin, 1920, S. 198 f.

⁵⁹ Cod. Just., VII, 7 (a. 530).

⁶⁰ Cod. Just., VII, 15, b (a. 531).

⁶¹ Nov. Just., LXXVIII sq.; о сохранении некоторых оговорок см. А. Р. Корсунский. О колонате. . . , стр. 57. Корсунский, однако, не принимает во внимание развития взгляда на этот вопрос в законодательстве и ставит знак равенства между Cod. Just., VI, 4, 3 (a. 529) и новеллой LXXVIII (a. 539).

⁶² E. Stein. Histoire du Bas-Empire. S. 412.

⁶³ Cod. Just., VII, 11, 12; Dig., XL, 9; Inst. Just., I, 6.

⁶⁴ Cod. Theod., IV, 7 (18 апреля 321 г.) = Cod. Just., I, 13, 1; 2

испытательного срока пребывания в нем)⁶⁵, или в том случае, если раб становился епископом⁶⁶. Можно было бы умножить число примеров. Однако в этом нет нужды, так как они широко известны.

Все эти изменения, внесенные в законодательство, были, повторяем, продиктованы стремлением привести законодательство в соответствие с изменившимися жизненными условиями. Эти изменения показывают, что не только важнейшая основа рабовладельческого античного общества — рабовладение и эксплуатация рабского труда в производстве уже утратила для правящего класса интерес в силу своей нерентабельности, но они указывают и на то, что правящий класс, независимо от своих субъективных целей, фактически стал осуществлять ликвидацию рабства как основы производства, заведшего в тупик развитие производительных сил общества. Борьба народных масс против рабовладельческого государства, в которую по мере нарастания кризиса III века вовлекались все более и более широкие слои населения, толкала правящий класс старой Римской империи в том же направлении. Лучшие и передовые юристы, так же как и идейные последователи получивших широкое распространение христианских религиозных и философских учений, толковали о равенстве людей друг с другом, что было несовместимым с теорией рабовладения. Эти же идеи впоследствии, после превращения христианства в одну из главных опор Византийского государства, легли в основу «еретических» учений павликиан, богомилов и т. д. Значение этих идей для первых веков н. э. не следует недооценивать, хотя, разумеется, отнюдь не они играли здесь решающую роль.

Не менее знаменательные изменения, чем те, которые были отмечены выше в судьбах полиса и рабовладения, произошли в Византии и в других институтах, которые были ею унаследованы от общества античной Римской империи.

Как известно, одним из таких важных институтов была фамилия. К VI в. от абсолютной власти домовладыки, *pater familias*, распространявшейся прежде не только на самую личность членов фамилии, на всех *personae alienae juris*, но и на все их имущественные приобретения, осталась только тень⁶⁷.

Patria potestas подверглась значительному ограничению и контролю со стороны государства уже в первые века существования Римской империи. С IV в. процесс пошел значительно дальше. Законами Константина открывается целая серия законоположений, все более и более ограничивающих имущественные права домовладыки, которая к VI в. фактически лишает его всей его былой власти и приводит к совершенно новой форме имущественных отношений между членами одной и той же фамилии. Имущество, полученное детьми не только от их матери, но и от родственников с материнской стороны, стало считаться собственностью детей. Этой собственностью отец мог пользоваться лишь пожизненно и, за редкими исключениями, не мог распоряжаться ею.

Юстиниан, развивая эти установления дальше, распространил их на любое имущество, каким бы образом оно ни досталось сыну, предусматривая даже возможность лишения отца права пожизненного пользования

⁶⁵ Nov. Just., XIII, 2; CLV, 35; В. Граніч. Das Klosterwesen in der Novellegesetzgebung Kaisers Leons d. Weisen. BZ, 31, I, 1931. Б. Граніч дает подробный разбор эволюции этих законоположений (от полного запрета лицам, находящимся в *status servitutis*, вступать в монастырь до разрешения Юстиниана рабам становиться монахами).

⁶⁶ Nov. Just., CXXIII, cap. IV (a. 546).

⁶⁷ И. А. Покровский. История римского права. Пг., 1918, стр. 365.

этим имуществом, если оно принадлежало к категории *peculium castrense, quasi castrense, bona adventicia irregularia*⁶⁸. Если прежде члены фамилии были лишены всяких юридических прав, сосредоточенных полностью в руках ее главы — «домовладыки», то теперь фамилия превратилась в союз лиц, обладающих полной и самостоятельной имущественной правоспособностью⁶⁹. Эта черта ярко сказывается и в отношениях между супругами: в отличие от классического права, в случае смерти жены Юстиниан предписал возвращать приданое ее наследникам, запретил отчуждение недвижимости из приданого жены и т. д.⁷⁰

В VI столетии Юстином и Юстинианом были внесены изменения в направлении охраны имущественных прав жены и в части брачных подарков жене. Жена имела право потребовать обратно не только своё приданое, но и *donatio propter nuptias*, которое, в целях лучшей гарантии его сохранения, было вообще запрещено отчуждать⁷¹.

Распоряжениями 532 и 539 гг. получение должности и звания патриция, консула, префекта, магистра милиции или епископского сана само по себе влекло эмансипацию сына из-под власти отца⁷².

Фамилия как целое распадается. На ее месте стали новые объединения: имение с его многообразно зависимым населением, подвластным господину, монастыри с их монастырскими общинами, общины крестьян, число которых с VI в. начинает все более возрастать за счет усилившейся «варварской» славянской колонизации.

Таким образом, уже в первые века существования Византийского государства можно констатировать полный распад основ рабовладельческого общества старой Римской империи. Наблюдающееся в это время оживление эконсмики, развитие производительных сил шло не за счет какого-либо нового расцвета рабовладельческих отношений, а за счет иных ресурсов, выходящих уже за рамки рабовладения и рабовладельческой формации.

Это оживление сказывалось не только в появлении и развитии некоторых новых городских центров, о которых говорилось выше, но и в сельском хозяйстве. К рассматриваемому времени может быть отнесено появление нескольких агрономических трактатов, указывающих на интерес к подъему земледельческой культуры, агротехники, в частности в области виноградарства и виноделия⁷³.

Поскольку процессы разложения старых основ общественно-экономических отношений протекали не только без противодействия со стороны правящего класса, но при его прямом вмешательстве и покровительстве новым формам⁷⁴, вряд ли можно считать основательным тот взгляд, что этот правящий класс оставался рабовладельческим и что орудие господства этого класса — Византийское государство — в IV—VI вв. оставалось по-прежнему, подобно античной Римской империи I—III вв., рабовладельческим.

⁶⁸ Cod. Just., VI, 60, 1, 2; Inst. Just., II, 9.

⁶⁹ И. А. Покровский. История римского права, стр. 365. E. C u q. Les institutions. . . , p. 815 sq.

⁷⁰ И. А. Покровский. Ук. соч., стр. 360.

⁷¹ И. А. Покровский. История римского права, стр. 361.

⁷² Cod. Just., VI, 61, 6; Nov. Just. LXXXI (a. 539); E. Stein. Histoire du Bas-Empire, p. 413.

⁷³ Ср. Геопоники. Византийская сельскохозяйственная энциклопедия X века. Введение, перевод и комментарий Е. Э. Липшиц (в печати).

⁷⁴ См. Cod. Theod., V, 6, 3 (a. 409); Nov. Just., LXXVIII, praef. 3—4 (a. 539); Procopius. Historia arcana, VII, 33; см. также А. Р. Корсунский. О колонате. . . , стр. 57.

II

В рассматриваемую эпоху наряду с распадом старой основы общественных отношений складывается новая основа. Одной из ее важнейших черт являлось формирование класса крупных собственников, который сосредоточил в своих руках не только обширные комплексы земель, но и сочетал эту собственность на основное условие производства — землю — со всей полнотой власти над населением своих владений. Роль этих крупных собственников, как было указано выше, все возрастала и в византийском городе. Поскольку основой могущества этого класса являлось землевладение⁷⁵, то и решение вопроса об общественно-экономическом характере исторического развития Византии на ранних этапах ее истории следует искать, в первую очередь, в анализе характера земельной собственности и земельных отношений.

Преобладание деревни над городом сказывалось, хотя и в меньшей, чем на Западе, степени, и в Византии. Представители высшей группы senatorского сословия — *illustres* — уже в середине IV столетия выступают как одна из важнейших прослоек этого землевладельческого класса, расширявшего свои владения за счет разорения городов, а частью и за счет земель фиска.

Как уже было отмечено выше, и в городах подлинными хозяевами стали не городские курии, влачившие жалкое существование, а новая землевладельческая верхушка, сановная знать и церковь. Земельные владения, прежде бывшие собственностью городов и приносявшие им доходы, переходили в руки отдельных крупных землевладельцев или в результате конфискации пополняли и без того обширные императорские земельные фонды, находившиеся в ведении *comitiva rei privatae*⁷⁶.

Городские управления превратились в ответвления государственной бюрократической машины и перешли в ведение специально назначенных в них императорских чиновников (кураторов, дефензоров и т. д.). С ростом влияния и могущества церкви и расширением ее земельных фондов в руках епископата оказалась сосредоточенная огромная власть.

Как далеко зашел этот процесс к концу V—началу VI в., можно судить по тому, что в выборах дефензора и куратора принимали участие только клир и крупнейшие землевладельцы, владеющие землями на территории города, — сенаторы и наиболее богатые куриалы⁷⁷. Об увеличении влияния церкви свидетельствует и то, что, по распоряжению Анастасия, на епископат было возложено наблюдение за правильным распределением довольствия городскому гарнизону⁷⁸.

Крупные земельные собственники, если они даже и продолжали жить в городах, а не в своих имениях, не оставались в составе курии⁷⁹. Что ка-

⁷⁵ Джонс (А. Н. М. Jones. *The Greek City...*, p. 267) отмечает, что земля была главным источником богатства. См. также G. Ostrogorsky. *Geschichte des byzantinischen Staates*. München, 1952, S. 32; E. Stein. *Introduction à l'histoire et aux institutions byzantines*. „Traditio“, VII, 1949—1951, p. 131.

⁷⁶ *Fundi rei privatae* (*praedia tamiaca*) пополнялись за счет конфискации городских и храмовых земель. См. R. His. *Die Domänen der römischen Kaiserzeit*. Leipzig, 1896, S. 27. Существует мнение, что как *res privatae* в собственном смысле, так и *patrimonium* были подведомственны в IV в. *comitiva rei privatae*. Ср. F. Dölger. *Beiträge zur byzantinischen Finanzverwaltung, besonders des X und XI Jahrhunderts*. Leipzig—Berlin, 1927, S. 12; E. Stein. *Studien zur Geschichte des byzantinischen Reiches*. Stuttgart, 1919, S. 171 f.

⁷⁷ E. Stein. *Op. cit.*, p. 212; *Monumenta Asiae Minoris antiquae*, III, 1931, 97 B. *Ср. Cod. Just.*, I, 4, 19.

⁷⁸ E. Stein. *Op. cit.*, p. 212; *Cod. Just.*, I, 4, 18; XII, 37; XIX, 51.

⁷⁹ Ю. Кулаковский. *История Византии*, стр. 69; М. В. Левченко. *Материалы для внутренней истории...*, стр. 84.

сается сенаторов, принадлежавших к рангу *clarissimi et spectabiles*, то они с 440 года получили право жить за пределами столицы⁸⁰. Крупное экзимирированное сенаторское землевладение пользовалось всевозможными льготами, правом автопрагии, сбора налогов с подвластного ему населения, жившего в имениях⁸¹.

В течение IV—VI вв. сенаторское сословие претерпело значительные изменения. Поскольку путь в сенат открывался с занятием высших должностей (дававших чины *illustres, spectabiles et clarissimi*), а эти должности отдавались сановникам по большей части «варварского» или «низкого» происхождения, постольку чрезвычайно заметно изменился состав сенаторов, особенно высшего ранга. Правящая верхушка общества, включая императоров, по существу представляла собой в значительной мере выходцев из низших классов общества — «варваров» и простых людей. Для курiales путь в сенат был прегражден почти непреодолимыми препятствиями⁸².

Высший разряд сенаторов — *illustres*, а с тридцатых годов VI столетия еще более высокая группа их — *gloriosi* — включал одних лишь активных участников государственного управления, заседавших в сиенциях консистория и конвентах сената, т. е. самую верхушку правящего класса⁸³. Они пользовались всевозможными привилегиями; даже в случае привлечения к суду они не подлежали ответственности перед местными властями, дела их разбирались с V в. сенаторами же под председательством префекта претория.

В Византии экзимирированные сальтусы представляли собой типичные имения знати. Как уже многократно отмечалось в предшествующих исследованиях, в них чрезвычайно широко эксплуатировался в рассматриваемое время труд колонов и близких к ним групп сельского населения, в отличие от классической римской виллы, где основной формой эксплуатации являлась эксплуатация труда рабов⁸⁴.

По образцу имений были организованы церковные владения, а также земли, принадлежавшие монастырям, которые особенно умножились в империи с VI в.⁸⁵

Важной частью византийского крупного землевладения в IV—VI вв. являлись императорские домены, об обширных пространствах которых можно судить по тому, что, например, в провинции Азии, которая по делению Дисклетиана охватывала 6000 квадратных километров, домены — по вычислению А. Шультена — занимали около 400 квадратных километров⁸⁶. Хозяйство на этих доменах, входивших в число земель, находившихся в ведении ведомств *rei privatae, patrimoniales, divinae domus* и расширившихся за счет *bona vacantia, caduca, damnatorum* и конфискации городских и храмовых земель, включало пахотные земли, виноградные насаждения, оливковые рощи, луга.

В некоторых случаях, как, например, в Каппадокии, оно было особо

⁸⁰ Cod. Just., XII, 1, 15; Ср. G. Ostrogorsky. Geschichte des byzantinischen Staates, S. 32.

⁸¹ Ю. Кулаковский. История Византии, стр. 69; М. В. Левченко. Материалы..., стр. 70 сл.

⁸² А. Н. М. Jones. The Greek City..., p. 194—195.

⁸³ О судьбах сенаторов *illustres* в VI веке и о различиях внутри этого ранга см. E. Stein Studien..., passim; ср. G. Ostrogorsky. Geschichte..., S. 31.

⁸⁴ Ср. выше.

⁸⁵ H. Alivisatos. Die kirchliche Gesetzgebung des Kaisers Justinian I. Berlin, 1913, S. 86—96, 101—112.

⁸⁶ A. Schulten. Zwei Erlasse..., S. 45.

специализировано на коневодстве. В тринадцать *oikiai*, на которые были подразделены эти каппадокийские имения, было весьма сложное управление. В посвященной Каппадокии новелле Юстиниана (536 г.) содержится ряд интересных сведений как о системе управления этими доменами, так и об их хозяйственном устройстве. При комите в чине проконсула состоял целый штат из двух групп по тринадцать чиновников, которых именовали магистрами (*μαγιστέρας*) двух разрядов [в отличие от бывших прежде управителей (*ἐπιτρόπων*) и экзакторов (*τρακτηιτῶν*)]. Они были соответственно прикреплены к каждому из имений⁸⁷. Кроме них, там существовали арендаторы⁸⁸, которые эксплуатировали труд колонов — *γεωργοί*⁸⁹. В имениях существовали пастбища (*νομαίς*), пахотные земли (*ἀροσίμοις*), виноградники (*οἰνοφύτοις*), деревни, дома (*χωρίους, οἰκίους*)⁹⁰.

Доходы с земель, поступавшие и деньгами и натурой, шли на содержание двора⁹¹. Самые домены (как предполагали предшествующие исследователи) были образованы за счет конфискованных земель языческих храмов⁹². Следовательно, организация их управления и хозяйства являлись полностью созданием интересующей нас эпохи.

Издание специального императорского законоположения о повышении авторитета и власти правителя этих доменов было вызвано царившими там беспорядками; эта мера должна была положить конец произволу правительственных чиновников, грабивших подвластных им людей и притеснявших крестьян. По сообщению законодателя, злоупотребления привели к тому, что многие из земель и угодий оказались захваченными арендаторами — «динатами» (*δυνατῶν*), превратившими их фактически в свою частную собственность и распорядившимися там с помощью целых дружин вооруженных людей⁹³.

Каппадокийские динаты VI в. всем своим поведением чрезвычайно напоминают одноименных им динатов императорских новелл X в. — времени развитого феодализма. Подобно динатам новеллы 536 года и динаты X в., злоупотребляя властью, являлись в села с множеством слуг, наемников и всякого рода спутников⁹⁴ и тем или иным способом захватывали их. Новелла 947 года была адресована в две фемы — фему Фракийскую и Анатолику, т. е. в район, соседний с тем, о котором идет речь в новелле Юстиниана 536 г.

Следует сказать, что напрашивающееся объяснение этого сходства как случайного, вызванного сходством только в словесных выражениях и сходством местных традиций, бытовавших в Малой Азии в течение веков, не может считаться ни достаточным, ни удовлетворительным. Думается, что оно требует более глубокого объяснения.

Известно, что военные дружины подобного рода существовали в Византии и в других районах и не только у всех высших военных сановников, но и у гражданских — у префектов претория, квесторов, императорских

⁸⁷ Nov. Just., XXX, 2.

⁸⁸ Ibid., XXX, 5.

⁸⁹ Ibid., XXX, 3, 9.

⁹⁰ Ibid., XXX, 7.

⁹¹ R. His. Die Domänen. . . , S. 29.

⁹² Ibid., S. 27 f.; ср. A. H. M. Jones. The Cities. . . , p. 189—191; Cod. Theod., V, 13, 3 (23 декабря 363 г.); X, 1, 8 [4 марта (?) 364 г.].

⁹³ Nov. Just., XXX, 5: καὶ ὡς δορυφόροι τε αὐτοὺς θεραπεύουσι καὶ πλῆθος ἀνθρώπων οὐ φορητὸν ἀκολουθεῖ, καὶ ληστεύουσιν ἅπαντες ἀναίδως. . . ἡ ταμειακὴ δὲ κτήσις ἤδη σχεδὸν ἰδιωτικῇ γέγονεν ὄλη.

⁹⁴ Nov. Constantini Porphyrogeniti (a. 947); Nov. Romani (a. 943) — in: Jus, III, p. 252—256, 242—252.

евнухов и т. д. Этот институт был в полном расцвете в VI в. Начало же его восходит еще к III в.⁹⁵

Эти частные дружинники, именовавшиеся *comites*⁹⁶, *δορυφόροι καὶ υπασπισται*, *οἱ τῷ δεῖνι ἐπόρευοι ὄπαδοί, μισθοφόροι οἰκίοι, ἐπιτηδεῖοι, παιδες, βουκελλάριοι*⁹⁷, у некоторых представителей высшей знати насчитывались сотнями и даже тысячами⁹⁸. С господином их связывала клятва верности. В состав дружины вербовались люди различного этнического происхождения. Среди них были готы, каппадокийцы, киликийцы, исавры, персы, фракийцы и т. д.⁹⁹ Они получали довольствие от своего господина.

У нас нет оснований считать поэтому явления, описанные весьма красочно в новелле 536 г., локальными — и только.

Нам представляется, что в этих дружинах можно видеть одно из ярких проявлений становления в Византии военно-феодального сословия¹⁰⁰. Разумеется, между династами VI в. и династами X в. имеется большая разница. За истекшие четыреста лет многое изменилось. Реорганизация управления в некоторых провинциях Малой Азии, начавшаяся уже с VI столетия и проведенная наиболее полно в обоих экзархатах в Италии и Африке, вылилась постепенно, в результате реформ последующих столетий, в систему фем, охватившую все прежние провинции империи¹⁰¹.

Новая фемная знать явилась одной из важнейших прослоек господствующего класса развивающегося феодального общества. Родоначальниками этой группы крупных светских военных землевладельцев явились дружины *буккелариев* и им подобных людей. Прежние *буккеларии* вскоре образовали фему *Буккелариев*, которая, так же как и другие фемы, являлась с VIII в. частью нового военно-административного аппарата Византийского государства¹⁰².

Наряду с отмеченными возникающими и развивающимися чертами, характерными уже для новых феодальных порядков на их начальной ступени, следует обратить внимание и на некоторые другие.

⁹⁵ R. Grosse. *Römische Militärgeschichte...*, S. 13, 25, 285. Ср. *Olympiodorus fr. 7; Procopius. De bello Gothico*, III, 8, 12; III, 35, 21; *Agathius*, II, 14; *Claudianus. In Rufinum*, II, 75; *Cod. Just.*, IX, 12, 10 (a. 468).

⁹⁶ Th. Mommsen. *Malalas. „Hermes“*, VI, 1876, S. 369; ср. R. Grosse. *Römische Militärgeschichte...*, S. 287, Anm. 2.

⁹⁷ R. Grosse. *Op. cit.*, S. 287—288.

⁹⁸ У Велизария их было 7000 человек, у Нарзеса — 400; у менее богатых людей их было, конечно, значительно меньше.

⁹⁹ R. Grosse. *Op. cit.*, S. 287—288; о „варварском“ характере армии в IV веке см. E. Stein. *Studien...*, S. 118.

¹⁰⁰ Орли дружинников в раннефеодальных государствах Западной Европы в период генезиса феодализма см. А. И. Неусыхин. Возникновение зависимого крестьянства в Западной Европе в VI—VIII вв. М. 8, 1956, стр. 8, 47, 49, 54 и т. д.

¹⁰¹ Начало системы фем было заложено уже в некоторых мероприятиях VI столетия, в частности в организации экзархатов. Самый же термин „фема“, так же как и сведения о первых фемах, организованных в Малой Азии, относятся, как это показал Г. А. Острогорский, к двадцатым годам VII столетия. Однако на Балканском полуострове первая фема появилась только в 680—687 гг. (Фракия). Система фем получила свое полное развитие лишь к X в. См. Г. А. Острогорский. *Постанак тема Хелада и Пелопонез. „Зборник Радова“ САН, кн. XXI. Београд, 1952, стр. 64—77; G. Ostrogorsky. Sur la date de la composition du livre des thèmes et sur l'époque de la constitution des premiers thèmes d'Asie Mineure. Byz., t. XXIII, 1953, p. 30—66; E. Stein. Studien...*, S. 117 f. См. его соображения на стр. 166 о *Quaestor Justinianus exercitus* (Nov., XLI, a. 536) как предшественнике стратега фемы Карависианов (ср. Ch. Diehl. *L'origine du régime des thèmes. „Études byzantines“*, 1905, p. 289—291).

¹⁰² См. E. Stein. *Studien...*, S. 130; R. Grosse. *Römische Militärgeschichte...*, S. 291; первое упоминание стратега фемы *Буккелариев* у *Феофана* стоит под 767 г.

Как известно, одним из важнейших атрибутов крупного феодального землевладения в Византии являлся институт экскуссии, получивший большое развитие в поздней Византии¹⁰³. Этот институт засвидетельствован большим числом документов для периода XI—XIV вв. Однако после опубликования полного текста эдикта Юстиниана II от 688 г. церкви Дмитрия в Фессалонике с дарованием этой церкви не только всех соляных промыслов в Фессалонике и ее окрестностях со всеми правами эксплуатации их «на вечные времена», но и с полным освобождением храма и его клира от уплаты каких бы то ни было налогов и повинностей, было высказано мнение, что мы можем констатировать наличие этого института уже в VII столетии¹⁰⁴.

Как прототип будущей экскуссии можно рассматривать некоторые аналогичные установления, известные и из предшествующей эпохи.

Таково, например, любопытное включенное в кодексы Феодосия и Юстиниана законоположение от 10 октября 424 г., адресованное префекту претория Иллирика Исидору¹⁰⁵.

Речь идет об установлении налоговых льгот, которые были предоставлены провинциям (Македонии и другим), очевидно, вследствие борьбы и протестов их населения против непомерных налоговых тягот. В целях умиротворения жителей и — что особенно интересно при сопоставлении с рассмотренным выше эдиктом VII в. церкви в Фессалонике, — по-видимому, во избежание дальнейших осложнений, усугублявшихся еще злоупотреблениями и вымогательствами правительственных чиновников, было предусмотрено снятие половины обложения «по образцу Македонии» и с других провинций и особо подчеркнуто, «чтобы в их владениях не появлялся инспектор, чего они более всего страшатся». А с ахеян, которые протестовали против уплаты даже в таких размерах, предлагалось собрать одну треть, ввиду того что они сами дали согласие заплатить такую сумму. Церковь же города Фессалоники была вовсе освобождена от этого обложения.

Уже начиная с IV столетия был издан ряд постановлений об освобождении особо привилегированных лиц (некоторых императорских доменов, высших чиновников ранга *illustres*) от экстраординарных повинностей и так называемых *munera sordida* (от оплаты за рекрутов и лошадей и т. д.)¹⁰⁶.

Известны огромные привилегии, согласно которым константинопольская церковь св. Софии освобождалась от уплаты всех налогов за 1100 принадлежавших ей *ergasteria*¹⁰⁷.

Эти податные льготы, предоставлявшиеся крупному землевладению, предвосхищали во многом будущую экскуссию, о родстве с которой напо-

¹⁰³ П. А. Яковенко. К истории иммунитета в XI веке в Византии. Юрьев, 1908; К. Н. Успенский. Экскуссия-иммунитет в Византийской империи. ВВ, т. XXIII, 1923; Б. Т. Горянов. Поздневизантийский иммунитет. ВВ, т. XI, 1956—т. XII, 1957; А. П. Каждан. Аграрные отношения в Византии XIII—XIV вв. М., 1952 и др.

¹⁰⁴ Эдикт был ранее известен в фрагментарном виде. См. П. Παπαγεωργίου. Μνημεία τῆς ἐκ τῆς Θεσσαλονίκης λατρείας τοῦ μεγαλομάρτυρος ἁγίου Δημητρίου. ВЗ, XVII, Heft 3—4, 1907, S. 354 f. Впервые издан полностью А. А. Васильевым („Speculum“, XVIII, 1943, p. 1—13), а затем А. Грегуаром (Вуз., XVII, 1944/45, p. 119—125); см. также Е. Э. Липшиц. Византийское общество и его культура в VIII и первой половине IX века. (Рукопись диссертации на соискание ученой степени доктора исторических наук, Институт истории АН СССР, 1951); автореферат, 1951, стр. 6. Ср. также настоящий том — Г. А. Острогорский. К истории иммунитета в Византии.

¹⁰⁵ Cod. Theod., XI, 1, 33 = Cod. Just., X, 16, 12.

¹⁰⁶ Ср. Cod. Theod., XI, 16, 6; 7; 17 и др.; XI, 18, 1; X, 25; ср. Cod. Just., I, 2, 20 об освобождении клириков от *στρατιωτικῆς εἰσφύσεως*.

¹⁰⁷ Nov., XLIII (17 мая 537 г.).

минает и сам термин *ἐξουσιάζειν*, встречающийся в подобных законодательных постановлениях; податные льготы шли рука об руку с зарождающимся иммунитетом в части предоставления крупным собственникам не только права взимать налоги с колонов¹⁰⁸, но и права суда и расправы над колонами, заключения их в тюрьмы, принуждения их к военной службе на господ¹⁰⁹.

Все эти права крупных собственников в отношении подвластного им населения являлись важнейшим моментом в развитии новых феодальных отношений, моментом, при котором внеэкономическое принуждение способствовало закреплению крестьянства. Если Византийское государство временами и выступало против злоупотреблений этой властью со стороны отдельных крупных собственников в интересах сохранения централизованного государства как целого¹¹⁰, то оно само же и раздавало другой рукой эти привилегии, выступая как орудие господства класса крупных земельных собственников. Именно поэтому борьба эта была непоследовательной и, в конечном счете, вела к дальнейшему прогрессу феодальных тенденций и росту феодальной зависимости непосредственных производителей от крупных землевладельцев.

Становление крупной земельной собственности императора, сенаторской аристократии, церквей и монастырей являлось лишь одной из сторон процесса оформления нового строя производственных отношений. Важнейшей чертой этого строя являлось то, что крупные собственники эксплуатировали в своих имениях преимущественно не рабов, а лично свободных людей, которые не были в их полной собственности. Именно в неполной собственности на работника и в характере эксплуатации и кроются специфические черты этой крупной земельной собственности.

Как уже было отмечено выше, по мнению подавляющего большинства исследователей, наиболее многочисленной прослойкой сельского населения на первом этапе жизни Византийского государства был колонат и близкие к нему формы зависимости крестьянства. Однако вопрос об общественно-экономической сущности византийского колоната остается спорным¹¹¹.

В советской исторической науке высказывалось мнение, что хотя колонат и имеет сходство с позднейшим крепостничеством, однако это сходство лишь внешнее. Так, С. И. Ковалев указывает, что если в римском обществе и есть элементы, которые формально могут быть названы феодальными, то они могут считаться таковыми лишь по внешнему сходству. Колонат III—IV вв. С. И. Ковалев рассматривает лишь как модификацию рабства, так же как и прочие, так сказать, «квази-феодальные» элементы¹¹².

Равным образом, в передовой статье ВДИ, № 1 за 1956 г. авторы выдвигают тезис о том, что положение колона существенно отличалось от положения средневекового феодально-зависимого крестьянина. Различие

¹⁰⁸ Nov., CXXVIII, 14; ср. А. Р. Корсунский. О колонате. . . , стр. 73.

¹⁰⁹ Nov., XVII, 17; 85. 3—4; ср. А. Р. Корсунский. О колонате. . . , стр. 73; Cod. Just., VII, 24, 1; XI, 48. 24; Nov., CXXIII, 35; Cod. Theod., XIII, 11, 3.

¹¹⁰ Ср., напр., Nov., XVII, 17 (а. 535).

¹¹¹ Вопрос о судьбах колоната в Византии привлекает к себе внимание исследователей не только в СССР, но и за рубежом. Однако в появившихся в течение последнего времени зарубежных исследованиях Гансгоффа, Палласа, Серге и др. в центре внимания стоит юридический статус колонов и вопрос о роли государства в процессе формирования колоната. Проблема же социально-экономической сущности колоната, являющаяся, на наш взгляд, наиболее важной, была поставлена лишь в советских исследованиях. См. F. L. Ganshof. Le statut personnel du colon au Bas-Empire. „L'Antiquité classique“, 14, 1946; M. Pallas. Orient et Occident. Lyon, 1950 (ср. рецензию Е. М. Штаерман в ВВ, т. VII, 1953, стр. 318—330); A. Segré. The Byzantine colonate. „Traditio“, V, 1947.

¹¹² С. И. Ковалев. Опыт периодизации. . . , стр. 116.

между положением колоннов и средневековых феодально-зависимых крестьян усматривается в том, что «в условиях поздней Римской империи действовали факторы, серьезно препятствовавшие развитию собственности непосредственных производителей на орудия производства и личное хозяйство — основы их заинтересованности в труде. К числу этих факторов следует отнести действие правовых норм рабовладельческого общества, лишавших рабов на пекулии и колоннов каких-нибудь прав собственности, а также ту жестокую налоговую эксплуатацию, которую испытывало производительное население империи со стороны рабовладельческого государства»¹¹³.

Однако следует заметить, что если этот взгляд и может быть признан правомерным по отношению к начальным формам развития колоната, зародившегося в античной Римской империи в качестве одной из важнейших предпосылок феодализма, то возможность безоговорочного перенесения этой характеристики на все этапы и виды сложнейшего и просуществовавшего более половины тысячелетия института вызывает самые серьезные возражения. Известно ведь, что колонат пережил Римскую империю и на востоке, и на западе; так, например, мы находим его в качестве одной из форм феодальной зависимости крестьянства в ранне-феодальных государствах Западной Европы¹¹⁴.

«Предистория» колоната, протекавшая в недрах античной Римской империи в период, предшествующий формированию Византийского государства, выходит за рамки данной статьи. В центре нашего внимания стоит именно византийский колонат в том виде, в каком мы его находим на Балканах и в Малой Азии в IV—VI вв., когда он в результате ряда экономических причин, революционной борьбы и варваризации превратился в ведущую форму эксплуатации крестьянства. К этому этапу развития колоната приведенные выше соображения, заставляющие видеть в нем лишь модификацию рабства, представляются нам не применимыми. Они неприменимы прежде всего потому, что исходят, как из доказанного, из тезиса о господстве рабовладельческих норм права — тезиса, который для византийского общества IV—VI вв., как мы видели выше, не находит подтверждения в источниках. Наличие рабства как юридического института само по себе не может служить достаточным аргументом в пользу этого тезиса, так как юридически рабство вообще никогда отменено не было, даже в тот поздний период истории, когда наличие в Византии форм всестороннего и полного развития феодализма никому не внушает сомнений. Малоуказательной представляется и ссылка на жестокую налоговую эксплуатацию, лишавшую колоннов и рабов на пекулии «каких-либо прав собственности». Общеизвестно, что жестокая налоговая эксплуатация существовала и в период полного развития византийского феодализма, однако она не привела к изменению экономической сущности и характера зависимости непосредственных производителей, хотя, конечно, крайне отягчала их положение и вместе с не менее суровой эксплуатацией их «соб-

¹¹³ „Проблема падения рабовладельческого строя (к итогам дискуссии)“. ВДИ, 1956, № 1, стр. 7. Пользуюсь случаем, чтобы отметить досадную неточность в изложении моей оценки колоната, высказанной в моей статье в ВДИ, № 4 за 1955 г. У меня (на стр. 68) речь идет о складающихся элементах феодальной зависимости. Авторы же передовой статьи ВДИ (1956, № 1), излагая мою точку зрения, приписывают мне утверждение о том, что колонат и рабство на пекулии были якобы формами уже сложившихся феодальных производственных отношений (см. ВДИ, 1956, № 1, стр. 7).

¹¹⁴ Ср., например, титул „О церковных колонах и сервах и об их повинностях“ (Lex Vajuv., I, 13). А. И. Нелусхин, Возникновение зависимого крестьянства. . . , стр. 365.

ственными» феодалами низводила крепостных париков до положения, на практике весьма близкого к положению рабов. Тем не менее существенная разница между обеими этими формами эксплуатации — рабством и крепостничеством — оставалась в силе.

Как указывал К. Маркс, вся общественно-экономическая структура, характер отношений господства и порабощения определяются той специфической экономической формой, «в которой неоплаченный прибавочный труд выкачивается из непосредственных производителей...»¹¹⁵. Именно в ней раскрывается, говоря словами Маркса, самая глубокая тайна, сокровенная основа всего общественного строя.

В отличие от рабского или плантаторского хозяйства, характеризующегося тем, что раб работает чужими условиями производства и не самостоятельно, при феодализме непосредственный производитель является владельцем условий производства. Только земля, то есть при этом состоянии наиболее всеобъемлющее условие производства, противостоит ему, будучи олицетворенной в земельном собственнике. В другом месте Маркс отмечает, что во всех формах, при которых непосредственный производитель остается владельцем условий труда, необходимых для производства средств его собственного существования, отношение собственности будет выступать «как непосредственное отношение господства и порабощения, следовательно, непосредственный производитель — как несвободный; несвобода, которая от крепостничества с барщинным трудом может смягчаться до простого оброчного обязательства»¹¹⁶.

Если с этим критерием подойти к анализу положения византийского крестьянства в IV—VI вв., то нельзя не прийти к выводу, что основная масса его подвергалась эксплуатации уже феодального типа.

В рассматриваемое время из многообразных разновидностей форм зависимости крестьян складываются две главные, к которым тяготели все прочие: так называемые свободные колонны, или мистоты, и энапографы. К свободным колонам были близки по своему положению инквилины, трибутарии и т. д.¹¹⁷ Инквилинат в IV—V вв. может рассматриваться как одна из разновидностей колоната; одним из важнейших источников колоната в Византии было поселение варваров на территории империи¹¹⁸.

С наибольшей определенностью различия между этими двумя группами формулированы в известной конституции императора Анастасия, включенной в кодекс Юстиниана. Различия эти заключались в том, что энапографы принадлежали вместе со своим пекулием своим господам; вторая же категория крестьян лишь по истечении тридцатилетнего срока становилась мистотами, которые были обязаны обрабатывать землю и платить налоги, хотя и оставались свободными¹¹⁹.

Любопытно, что эта конституция, привлекаемая обычно исследователями для характеристики зависимости энапографов как известной модификации рабства, не сохранилась в списках кодекса и включена в него издателями из Василик¹²⁰. Упоминание об этом законе Анастасия имеется в кодексе в одном из последующих параграфов (23) той же главы в узаконении Юстиниана, адресованном префекту претория Иоанну и относимом к 531—534 гг. Если сравнить это краткое изложение закона Анастасия

¹¹⁵ См. К. Маркс. Капитал, т. III. Госполитиздат, 1954, стр. 804.

¹¹⁶ К. Маркс. Капитал, т. III. Госполитиздат, 1954, стр. 803.

¹¹⁷ А. Р. Корсунский. О колонате..., стр. 58; F. L. Ganshof. Le statut personnel..., p. 264.

¹¹⁸ Ibidem.

¹¹⁹ Cod. Just., XI, 48, 19.

¹²⁰ Basil., LV, 1, 18.

с греческим текстом, взятым из Василик, то бросается в глаза, что в изложении все внимание фиксировано на прикреплении обеих категорий крестьян к земле и перенесении закрепления колонов на их потомство. Сохраняя различия между энапографами и «свободными» колонами¹²¹, законодатель в то же время опускает часть закона Анастасия, трактующую о принадлежности энапографов вместе с пекулием их господам. Энапографы в ходе изложения именуется наравне с другими «колонами»¹²². Положение этих обеих категорий в VI в. сблизилось. Сближение сказывалось в закреплении обеих категорий за именем (что, собственно, и составляет главную мысль этой конституции), и, следовательно, шло по линии усиления эксплуатации и превращения прежде свободных людей в зависимых, крепостных крупного землевладельца. Но это усиление эксплуатации шло не по линии превращения свободных в рабов, а по линии закрепления связи колона с землей, что хотя и отдавало его в большей степени под власть господина, но в то же время и ограничивало полноту собственности господина на работника характерным уже для феодальных отношений образом. В разбираемом законоположении специально оговаривается необходимость борьбы против *violentia* господ, идущих по линии усеечения свободы колона в смысле его личных юридических прав и превращения его в несвободного в юридическом смысле человека¹²³.

Несмотря на исключительно малое количество сведений, которыми мы располагаем о жизни колонов, все же наличные данные не оставляют сомнений в том, что колоны располагали не только пекулием, но и собственностью. Собственность эта, как и всякая крестьянская собственность при феодальном строе отношений, являлась не безусловной и не полной собственностью. *De facto* участок земли (*γῆδ'ιον*) находился во владении крестьянина. *De jure* весь его прибавочный труд принадлежал земельному собственнику¹²⁴. Эта неполнота собственности характерна как для позднейшего крепостного парика, так и для колона в рассматриваемое время¹²⁵. Тем не менее колоны имели право отстаивать перед судом свою землю, что уже само по себе предполагает известные права на нее¹²⁶.

А. Р. Корсунский неправ, утверждая, что в официальном законодательстве отсутствуют какие-либо нормы, закрепляющие за колонами их землю¹²⁷. Этому противоречит приводимая им же самим ссылка на конституцию Юстиниана о праве колона защищать свои права на землю¹²⁸. Противоречат этому и данные, содержащиеся в новеллах Юстиниана 535 г. (XXXII, XXXIII, XXXIV). Законодатель, обращаясь к архонту Гемимонта Агерохию и префекту претория Иллирика Доминику, в этих новел-

¹²¹ Это различие сохраняется и в X веке. В соответствующем титуле Василик энапографы именуется по-прежнему, колоны же — париками. Ср. *Synopsis Basilicorum*, III, 6 (*titulus*).

¹²² Эта конституция ускользнула от внимания Штейна. Она говорит в пользу его выводов. См. E. Stein. *Studien...*, S. 208.

¹²³ Ср. *Cod. Just.*, XI, 48, 23: „Мы объявляем, что колоны остаются свободными навсегда (*in perpetuum*) в соответствии с вышеизложенным законом и не должны быть отгощаемы каким-либо худшим положением“.

¹²⁴ См. анализ такого характера отношений у К. Маркса („Капитал“, т. III, стр. 806).

¹²⁵ А. П. Каждан. Аграрные отношения. . . ., стр. 110—113. А. Р. Корсунский недооценивает, на наш взгляд, неполноту собственности как черту, типичную для феодально-зависимого крестьянства (А. Р. Корсунский. О колонате. . . , стр. 77). См. также *Cod.*, Theod. V, 19, 1 (27 января 365 г.).

¹²⁶ *Cod. Just.*, XI, 48, 20.

¹²⁷ А. Р. Корсунский. О колонате. . . , стр. 77.

¹²⁸ Там же, стр. 62. Повидимому, в сноске опечатка; следует читать: *Cod. Just.*, XI, 48, 20.

лах запрещает кредиторам, дающим ссуды крестьянам (именуемым в греческом тексте XXXII новеллы γεωργοί, в латинском тексте XXXIV новеллы — coloni) зерном (пшеницей, ячменем), брать в залог и захватывать их участки (γῆδία) и требует, чтобы они были возвращены колонам (terrula colonis restituere)¹²⁹. О том, что колоны владели участками земли, можно судить и по новелле, обращенной к префекту претория Петру (CXXVIII, а. 545).

Колоны, о которых идет речь в новеллах, рассмотренных нами выше¹³⁰, располагали и движимым имуществом — крупным и мелким скотом и даже рабами.

Данные законодательных памятников о наличии у колонов скота получают интересное подтверждение в некоторых надписях с греческих островов, содержащих фрагменты податных списков IV—V вв. На эти ранние образцы византийских писцовых книг обратил в свое время внимание Ф. И. Успенский¹³¹. С тех пор надписи эти были подвергнуты новому изучению. Стали известны и некоторые новые¹³².

В надписи с о-ва Феры, сохранившейся в виде семи фрагментов, содержится опись имения (δασποτείας), части которого были разбросаны в разных местах. В описи перечисляются пахотные земли, земли под виноградниками, оливками, а также и весь персонал, подлежащий обложению (capitatio humana). Среди последнего перечислены парики (πάροιχοι) с их семьями и указано количество скота, которым они располагали¹³³.

В фрагменте 343¹³⁴ читаем:

«Парики: Феодор на городской земле — 30 лет,
Зосима, его жена, — 20 лет,
Феодора младшая — 2 лет;
Вол — 1,
Овец — 10»

В фрагменте 346, 9¹³⁵:

«Дионисий — в деревне Аллиергии... лет
Геласий — 14 лет;
Вол — 1,
Овец — ..»

¹²⁹ Nov. Just., CXXVIII, 14. Интересно указание в этой новелле на наличие собственности на участки даже у низшей категории — энапографов: ἀλλὰ καὶ εἰ συμβαίη γεωργούς τινι προσήκοντας ἢ ἐναπογράφους ἰδίαν ἔχειν κτήσιν.

¹³⁰ Греческий термин γεωργοί, которым обозначены здесь колоны, употреблялся часто и в более широком смысле, распространяясь на свободных крестьян. Интересно отметить, что заглавие XXXII новеллы полностью включено в качестве заключительной статьи в греческий текст Земледельческого закона в рукописи XI—XII века — ГИМ № 318/467. Возможно, что в разбираемых новеллах речь идет о крестьянах, близких по своему положению к крестьянам Земледельческого закона. Рукопись ГИМ № 318/467 принадлежит к числу рукописей, содержащих одну из древнейших версий Земледельческого закона. Она очень близка к рукописи Парижской Национальной библиотеки — Par. gr. 1367—XII в.

¹³¹ Ф. И. Успенский. Следы писцовых книг в Византии. ЖМНП, ч. 231, январь 1884, стр. 18 сл.

¹³² „Thera“ — Inscriptiones Graecae XII³; ср. RE, II R, 10 Hbb., 1934, S. 2260—2302 (F. Hiller und P. P. Wilsky). Lesbos — Inscriptiones Graecae XII² = Cagnat IV, 109—112. Chios — Editio princeps: A. Déléage. La capitatio du Bas-Empire. Macon, 1945, p. 182 sq.

¹³³ О рабах упоминается только один раз во фрагменте 343 (в имени наследников Парегория: „И сельских рабов Евтихия — 60 лет; Полихрония — 40 лет, вол — 1; овец — 5...“). A. Déléage. Op. cit., p. 175.

¹³⁴ Inscriptiones Graecae XII³; ср. A. Déléage. Op. cit., p. 173 sq.

¹³⁵ A. Déléage. La capitatio..., p. 176.

В фрагменте 346. 4—6¹³⁶:

«Никасий из деревни Тапано — 65 лет.
 ... жена ... лет,
 Деким — сын 14 лет,
 Зосима — дочь 12 лет,
 Демьян — сын ... лет,
 Сотнион — сын 6 лет;
 Вол — 1,
 Овец — 7»

В надписях, представляющих собой формы податных списков с о-ва Хиоса, впервые изданных Делеажем¹³⁷, в двух фрагментах было обозначено лишь количество югеров и число париков:

Фрагмент А, колонка II:

«Югеров ...
 Париков голов [παρ(οίχων) κ(εφαλαί)] ...
 Земля под огородом [Κη(πίον)] у Праксидакии:
 Югеров ...
 Париков голов ...
 Земля под огородом Паратрехон:
 Югеров ...
 Париков голов ...
 Земля под огородом Студион:
 Югеров ...
 Париков голов ...
 Земля под огородом в Поли:
 Югеров ...
 Париков голов ...»
 и т. д.

Фрагмент II, колонка II:

«Париков голов ...
 Рабов голов ...
 Скота голов ...».

Из сравнения этих обоих фрагментов с фрагментами надписи Феры ясно видно, что в первом случае речь идет о скоте, принадлежащем парикам; во втором — может быть, и владельцу этих париков, если не считать ее сводкой, составленной по топографическому признаку из предшествующих именных деклараций. Иная форма описи, при которой все сведения о поголовье скота сосредоточены в одном месте, по всей вероятности, указывает на иной характер эксплуатации колонов и рабов, не располагавших, по-видимому, собственным скотом.

Из сравнения надписей можно сделать вывод, что у париков (по крайней мере, в некоторых случаях, как на о. Фере) имелся свой скот, так же как и у некоторых единичных рабов на пекулии¹³⁸.

О наличии у колонов собственности говорит и то, что они располагали правом завещания¹³⁹.

Подобно позднейшим парикам колоны были обязаны платить господину ренту в натуральной или денежной форме, были обязаны выполнять для него известные орега, хотя о размерах этих платежей, оброков и барщинных повинностей наличные источники не дают никаких сведений¹⁴⁰. Ко-

¹³⁶ A. Déléage, La capitation. . . , p. 176.

¹³⁷ Ibid., p. 183 sq.

¹³⁸ См. выше..

¹³⁹ А. Р. Корсунский. О колонате. . . , стр. 62.

¹⁴⁰ Cod. Just., XI, 48, 20; 23, 5; XI, 53, 1; Cod. Theod., V, 6, 3. Сведений о размерах оброков и барщин и для других районов Византийского государства вообще очень мало. Из перечня платежей, оброков, барщин, которые уплачивались колонами Равеннской церкви в середине VI века, видно, что размеры барщины там колебались в пределах от одного до трех дней в неделю; оброк вносился птицей, яйцами, молоком, мясом и т. д. (Bibl. Vat. pap. lat. 4, ed. J. Tjäder. Lund, 1955).

лоны платили налоги и привлекались к выполнению различных государственных повинностей — *мипега* — по строительству дорог, мостов, стен. Они рекрутировались и в армию¹⁴¹.

Таким образом, наличные материалы дают основание заключить, что византийский колонат IV—VI вв. и позднейшее крепостничество византийских париков были в своей основе явлениями одного порядка. Анализ положения византийских колонов и париков, на наш взгляд, с очевидностью показывает, что мы имеем в их лице в рассматриваемую эпоху уже не квази-феодалных непосредственных производителей, а феодально-зависимых крестьян. В ранней Византии, в отличие от рабовладельческого общества античной Римской империи, основные производители выступают в своей массе как наделенные средствами труда. И поэтому, хотя основное условие производства — земля — находилась в руках крупных собственников (императора, высших сановников, церкви, монастырей), у непосредственных производителей, несмотря на жестокую эксплуатацию, сохранялась известная заинтересованность в труде. Именно это и есть главная черта, объединяющая колонов IV—VI вв. с позднейшими париками. Сходство становится еще более рельефным вследствие того, что колоны были, подобно позднейшим парикам, прикреплены к земле. Хотя прикрепление колонов к земле шло рука об руку с прикреплением к занятиям других слоев населения, однако для крестьянства это прикрепление являлось формой подлинно крепостного состояния. Оно привнесло признанный и проводимый всем авторитетом государственной власти элемент внеэкономического принуждения в отношении колона к земельному собственнику. Последний мог продавать колона вместе с землей так же, как это делали феодалы с париками в период развитого феодализма.

Вместе с тем колонат должен рассматриваться именно как начальная форма феодальной зависимости, вылившаяся лишь в результате долгой дальнейшей эволюции в форму позднейшего крепостничества. В этом отношении к колонату следует подходить так же, как и к другим институтам феодального общества, которые в рассматриваемое время лишь начинают свое развитие.

Эта неразвитость колоната как формы феодальной эксплуатации сказывалась, в частности, в противоречивости взгляда на колонат в официальном законодательстве. Новые взгляды внедрялись медленно. Однако характерно, что большинство конституций, отражающих эти новые взгляды, относится уже к VI столетию.

Но колонат, при всей своей прогрессивности, не мог вывести сельское хозяйство Византии из тяжелого состояния хотя бы уже потому, что не был изжит недостаток рабочих рук и многие земли оставались и в VI столетии необработанными.

В сложении класса феодально-зависимого крестьянства огромную и решающую роль сыграли крестьянские общины, которые, судя по данным законодательства, существовали в империи наряду с колонатом. Помимо тех сведений, которые в этом отношении можно почерпнуть из законодательства Юстиниана, можно напомнить о новелле Тиверия „*Περὶ τῶν θεῶν οἰκίω*“¹⁴², где упоминаются *χωρία ἐλευθέρικα*. В VI—VII вв. эти общины получили большое подкрепление благодаря славянской колонизации.

¹⁴¹ Ср. R. Grosse. *Römische Militärgeschichte...*, s. 67, 200, 207.

¹⁴² Jus, III, p. 28; ср. Nov. Just., XXIV, 1; XXV, 1. Заслужил М. В. Левченко являлось выяснение факта наличия в Византии свободных крестьянских общин еще в IV—VI вв. (См. М. В. Левченко. Материалы для внутренней истории Восточноримской империи V—VI вв. ВС, стр. 1—53). Точка зрения М. В. Левченко получила новое подтверждение для Сирии в докладе М. Арман на X Международном конгрессе по византиноведению в 1955 г. (см. „Byzantinoslavica“, XVII, 2, 1956, p. 360—361).

Если для первого этапа истории византийского крестьянства типичными являются отношения, связанные с закреплением прав землевладельца на колона и на весь прибавочный продукт его хозяйства, то для второго характерными являются многочисленные мероприятия византийских императоров и военные экспедиции для подчинения и превращения в данников империи свободных славянских общин. Но в задачу настоящей статьи не входит рассмотрение этого второго этапа в истории византийского крестьянства. Отметим лишь, что только в результате появления этой массы нового трудового населения в Византии смог сложиться достаточно многочисленный и прочный класс феодально-зависимого крестьянства, который обеспечил возможность дальнейшего прогрессивного развития производительных сил¹⁴³.

¹⁴³ Важнейшие вопросы, связанные с историей византийского крестьянства в этот второй период, в настоящее время оживленно дискутируются на страницах „Византийского временника“ (см. ВВ, т. X). Мы предполагаем остановиться на них особо, тем более что и вопрос о дате и происхождении Земледельческого закона — важнейшего источника наших сведений о византийско-славянской сельской общине — заслуживает нового рассмотрения. Датировка закона продолжает оставаться спорной. Рассмотрение всего круга вопросов, связанных с Земледельческим законом, представляется мне необходимым и потому, что в ходе дискуссии моя точка зрения на Закон и на истолкование его отдельных статей, на вопрос о цели его издания и взаимоотношении византийской общины с западноевропейской общиной-маркой получила во многих существенных частях неточное и неверное освещение.